

## ФЕЛЬЕТОНЪ. Литературные очерки.

Новые рассказы А. П. Чехова.

Пьеса А. П. Чехова „Дядя Валя“ многими признается скучной и въ лучшемъ случаѣ—непонятной: что, дескать, хотѣлъ сказать талантливый авторъ? Но мы не помнимъ ни одного произведенія современной литературы, которое бы съ такой широтой захвата и мѣткостью въ рассказахъ показывала томительную скуку жизни, какъ эта простѣйшая по складу пьеска. Какъ же ей не быть скучной, когда весь смыслъ ея—въ художественномъ олицетвореніи будничной скуки? Все такъ сѣро, монотонно, безшумно, безвучно; никакого лирическаго порыва, никакого обычного драматическаго треска! Это ужасно скучно,—скучно до драмы. И надо полагать, что драма, заключающаяся въ отсутствіи всякихъ всколыханій и волненій, есть одна изъ сильнѣйшихъ и самыхъ распространенныхъ въ человѣческой жизни драмъ.

Г. Чеховъ не обратилъ вниманія на причудливые вкусы театралныхъ посѣтителей, рукоплещущихъ неглубокой новизнѣ и зѣвающихъ надъ глубоко поучительной картиной заурядныхъ будней, которые способны передѣлывать человѣка съ ногъ до головы, не обратилъ вниманія и началъ развивать свой остроумный планъ въ разныхъ подробностяхъ. Въ „Русской Мысли“ напечатаны три такихъ рассказа (новидимому, будетъ еще продолженіе), которые цѣликомъ посвящены изображенію драмы будней. Первый рассказъ, „Человѣкъ въ футлярѣ“, вызвалъ немало толковъ и нѣсколько осужденій. Нѣкоторые строгіе читатели нашли, что это—по мысли неважный рассказъ, ибо въ немъ вичего не проповѣдуются, общественнаго значенія не усматривается, а главное—что фигура „человѣка въ футлярѣ“ вовсе не типична.

Въ нашу редакцію поступила полемическая замѣтка, направленная противъ отзыва г-на Н. А. въ „Сар. Дневн.“ объ этомъ рассказѣ. Замѣтка написана сдержанно, толково и стнкую не ради уязвленія г. Н. А.; но по обстоятельствамъ чисто внѣшнимъ, печатаніе приходится замѣнить просто маленькой ссылкой на ея автора, какъ внимательнаго и умнаго читателя. Онъ протестуетъ противъ отзыва „Дневника“ и особенно противъ фразъ: „Рассказъ предполагаетъ типъ, а Бѣликовъ (герой чеховскаго рассказа) едва-ли можетъ быть признанъ типичнымъ. Это скорѣе оригиналъ, которому болѣе приличествуетъ мѣсто въ фельетонной кунсткамерѣ *Нов. Времени*“, „едва-ли къ этому „анекдоту“ идетъ „мораль“, которую завершается „сія басня“; „Человѣкъ въ футлярѣ“ есть

„плодъ лѣтняго вдохновенія“.

Читатель, приславшій замѣтку, правъ; „фельетонная кунсткамера“ есть не болѣе какъ красное словцо, сказанное фельетонистомъ для пополненія собственной фельетонной кунсткамеры. Но совершенно вѣрно, что Бѣликовъ не типъ, а оригиналъ, и весь рассказъ отзывается „анекдотомъ“. Анекдоты, однако, бываютъ разные. Есть такіе, что, разъ прослушавъ, всю жизнь не забудешь. Вообще же говори, остроумный анекдотъ есть маленькая картинка, въ высокой степени характерная для извѣстнаго лица, для общества, для науки, для даннаго настроенія и т. п. Здѣсь въ немногихъ словахъ говорится многое. Если это опредѣленіе вѣрно, то, во-первыхъ, всѣ „Пестрые рассказы“ и „Сумерки“ г. Чехова суть прекрасные анекдоты, и, во-вторыхъ, „Человѣкъ въ футлярѣ“ есть одинъ изъ мѣткихъ анекдотовъ.

Одно меладно: анекдотъ—вещь смѣшная и смѣшливая, а рассказы г. Чехова навѣваютъ грустные, иногда глубокопечальныя настроенія. „Человѣкъ въ футлярѣ“ рассказанъ анекдотически, т. е. коротко, эскизно, мѣткими штрихами, но совсѣмъ несмѣхотворно.

Вѣроятно, читатели успѣли уже познакомиться съ этимъ новымъ рассказомъ даровитаго писателя, поэтому мы ограничимся лишь краткимъ напоминаніемъ объ его содержаніи.

Странный господинъ этотъ Бѣликовъ, учитель греческаго языка въ какой-то гимназіи. Внѣшностью и всѣмъ нутромъ, съ головы до ногъ, онъ жилъ какъ-бы въ футлярѣ. Даже въ очень хорошую погоду онъ „выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ, и непременно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши, и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ“. Онъ всегда носилъ фуфайку, въ уши втыкалъ вату, и когда садился на извозчика, приказывалъ поднимать верхъ. „Однимъ словомъ, говоритъ авторъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ-бы его, защитилъ-бы отъ внѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ, и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни“. Бѣликова вѣчно преслѣдовала мысль: „какъ-бы чего не вышло“, и поэтому всякія отступленія отъ циркуляра, отъ принятыхъ правилъ пугали его и заставляли еще глубже уходить въ свой футляръ.

Что это за субъектъ? Миѣ кажется, мы не спшибемся, если уже по этимъ признакамъ заключимъ, что намъ предъ-

явленъ кліентъ тихаго отдѣленія психіатрической больницы, находящійся, однако, на свободѣ и даже состоящій преподавателемъ въ гимназіи. При нашемъ неумѣннѣ отличать душевнобольныхъ, при ходячемъ представленіи о сумасшедшемъ, только какъ о буйномъ, случается нерѣдко, что душевнобольные гуляютъ по улицамъ, ходятъ по гостямъ, посѣщаютъ клубы и театры, и вообще припаты въ обществѣ. Но Бѣликовъ болень—это несомнѣнно. Д-ръ Веберъ, въ недавно вышедшей книжкѣ объ ипсандріи, говоритъ: „главнѣйшее измѣненіе въ человѣкѣ, страдающемъ этой болѣзью, заключается въ настроеніи духа; оно всегда подавленное, боязливое, иногда даже плаксивое“. А г. Чеховъ, характеризуя своего героя, отмѣчаетъ его безпрестанные вздохи и нытье, дѣйствовавшіе подавляющимъ образомъ на всѣхъ окружающихъ.

Г. Чеховъ, какъ извѣстно, тоже докторъ, и его мнѣніе весьма цѣнно, но онъ не называетъ Бѣликова сумасшедшимъ, хотя долженъ былъ-бы сказать, что такое явленіе, какъ его герой, болѣзненное, выходящее далеко за предѣлы нормы.

Норма тѣмъ не менѣе существуетъ и она мѣтко названа „человѣкомъ въ футлярѣ“. Мы желаемъ сказать, что такой типъ людей, боязливо укутывающихся въ фуфайки, въ теплую одежду и пугающихся дѣйствительности, которая въ самомъ дѣлѣ сплошь да рядомъ выкидываетъ неожиданныя антраша, существуетъ, довольно распространенъ и всѣмъ извѣстенъ. Но Бѣликовъ больше чѣмъ этого типъ; онъ вышелъ изъ рамокъ его, онъ ужъ немнѣе больной, тронутый, если хотите—психопатъ. Вѣдь и Плюшкины, какъ ревнивые собиратели заржавыхъ гвоздей, встрѣчаются очень рѣдко, но Плюшкиныхъ, какъ скрягъ, вообще чрезвычайно много. Отелло, какъ страшный ревнивецъ, былъ, пожалуй, одинъ на всемъ свѣтѣ; Гарпагонъ—исключительный скупецъ, Донъ-Жуанъ—исключительный любовныхъ дѣлъ мастеръ и т. д.; но исключенія лишь утверждаютъ правило: ревнивцевъ, скупыхъ, волокитъ—масса во всякой странѣ и во всѣ времена. Вотъ въ этомъ-то и задача поэта представить живое олицетвореніе извѣстной идеи. Нужно выдѣлить такую-то черту, провести ее до возможнаго предѣла, облечь въ образъ извѣстную общечеловѣческую мысль, чувство, страсть; это будетъ нѣчто широко захватывающее, но въ то же время, по своей индивидуальности, нѣчто исключительное. Бѣликовъ, разумѣется, есть созданіе не такой тонкой работы, какъ Плюшкинъ, и не такого великаго мастера, какъ Гоголь, но и онъ есть олицетвореніе идеи „человѣка въ футлярѣ“. Въ точно такомъ видѣ, людей запуганныхъ въ дѣйствительности нѣтъ, потому что это было бы ужъ очень странно и престо ненормально, а подоб-

ныхъ Бѣликову, разумѣется, порядочно. Степеней масса, а сущность одна; г. Чеховъ показалъ высшую степень всѣмъ знакомой сущности.

Мимоходомъ у г. Чехова брошена такая мысль: „Чего только не дѣлается въ провинціи отъ скуки; сколько ненужнаго, вздорнаго! И это—потому, что всеѣмъ не дѣлается то, что нужно“. Скука, позвольте такъ сказать, имѣетъ огромное общественное значеніе; въ провинціи и особенно въ глухихъ ея углахъ она является направляющимъ, руководящимъ факторомъ; она совершенно передѣлываетъ людей, надѣлая ихъ подчасъ самыми предосудительными качествами. Отъ скуки не всегда вѣшаются, но очень часто вѣшаютъ на гвоздь забвенія „завиральныя идеи“ и возвышенныя чувства, пріобрѣтенныя въ одномъ изъ центровъ духовной культуры. Отъ скуки человѣкъ портится кореннымъ образомъ, спускаясь съ высотъ идеала въ яму житейскихъ мелочей и погружаясь въ „тину нечистую“ сомнительныхъ наслаждений картами, водкой, сплетнями. Иногда является желаніе вернуться къ лучшему, взлелѣять какую-нибудь мысль, найти удовлетвореніе болѣе благородное, но это не удается. Иногда „великій альтруизмъ“ прошлаго рѣзко замѣняется всепоглощающимъ эгоизмомъ, стремленіемъ уединиться, отказаться отъ всякаго общества, пріобрѣсти немножко землицы и устроить на ней келью подъ елью. Скучающій человѣкъ увлекается какой-нибудь маленькой идейкой, все больше захватывается ею, втихомолку работаетъ ради нея и—глядяшь, достигаетъ цѣль.

Эту тему хорошо иллюстрируетъ другой новый рассказъ г. Чехова—„Крыжовникъ“, помѣщенный въ августовской книжкѣ „Русской Мысли“. Съ внѣшнихъ сторонъ эти страницы являются продолженіемъ „Человѣка въ футлярѣ“,—по крайней мѣрѣ оба рассказа ведутся въ видѣ бесѣды между двумя пріятелями. Со стороны внутренняго содержанія также есть связь: „Футляръ“, чехолъ покрываетъ и героя „Крыжовника“, и героя третьяго рассказа въ той-же августовской „Русской Мысли“—„О любви“.

Жилъ былъ нѣкій Николай Ивановичъ Чимша-Гималайскій, человѣкъ добрый, кроткій, и нѣсколько мечтатель. Занимаясь въ канцеляріи, онъ нерѣдко думалъ о томъ, что хорошо бы пріобрѣсти свое имѣніице, гдѣ былъ бы свой огородъ, свой садъ, а въ саду—непремѣнно крыжовникъ. Почему крыжовникъ—это неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ достоверно, что особаго предпочтенія къ этой ягодѣ Чимша-Гималайскій не оказывалъ; крыжовникъ тутъ былъ чѣмъ-то случайнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ роковымъ и доминирующимъ. Начнетъ-ли Николай Ивановичъ развѣртывать свои мечтанья съ суточныхъ щей или съ ко-

молодой коровой, а закончить все-таки крыжовником. Через несколько лет мечта осуществилась включительно до крыжовника, и Николай Иванович сам эту ягоду кушал и других угощал. О первом вкушении заветного плода у Чехова говорится: "Николай Иванович замкнулся и минуту глядел на крыжовник, молча, со слезами, — он не мог говорить от волнения, потом положил в рот одну ягоду, поглядывал на меня с торжеством ребенка, который, наконец, получил свою любимую игрушку и сказал: "Как вкусно!" — На самом деле было жестко и кисло, но "тм истинно нам дороже нас возвышающий обман". Это был довольный, удовлетворенный, счастливый человек, в самом пошлом смысле слова. А. П. Чехов по поводу такого свинского самодовольства пишет такие строки: "Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем, во всех домах и на улицах тишина и спокойствие; из пятидесяти тысяч живущих в городе ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился. Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией, днем бдят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, женятся, старятся; но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито". Для счастья людей, проживающих в каком-нибудь футляре, необходимо, чтобы несчастные страдали где-нибудь вдалеке и молча.

Третий рассказ — "О любви". Он ведется от лица хозяина, Алехина, у которого остановились охотники Иван Иванович и Буркин, сообщившие два предыдущие случая из жизни людей в футляре. Любовь, говорят, поэтична, украшена розами и соловьями, но у порядочных русских людей она смущается разными вопросами. Порядочный русский человек, когда любит, обыкновенно тревожно спрашивает себя: честно-ли это, умно или глупо, чем кончится, куда заведет. Чеховский рассказчик Алехин справедливо находит, что это мѣшает, не удовлетворяет, раздражает. В жизни его был интересный роман: он влюбился в замужнюю женщину и хотя всячески старался тушить страсть, но разсудок чувствовал себя побужденным. Любимая женщина знала это, не подавала виду, что знает; она также любила его и также старательно хоронила свое чувство. Алехин считался другом, постоянно бывал и

находил удовлетворение в том, что "когда Анна Алексеевна возвращалась, то он встречал ее в передней, брал от нее все покупки, и почему-то всякий раз эти покупки нес с такою любовью, с таким торжеством, точно мальчик". Так и выражалась эта замкнутая в сердце любовь: ни одним словом, ни одним намеком никто из них не показывал ее. Шли и прошли годы. За это время Алехин про себя и Анна Алексеевна тоже про себя обдумали многое и, между прочим, старались понять тайну: кому было нужно сделать так, чтобы они никогда не были своими, родными. Что это за судьба, которая бросает молодую женщину в руки отходящего в могилу старика и лишает ее какого-то внутреннего права жить ради любимого человека?..

Правила, традиции, приличия! Но все это впрочем бы назвать футлярами и чехлами. Для чего-то и почему-то дѣлаются эти обертки и оболочки, куда прячется подчас самое ценное, самое дорогое в жизни. Беликов дорожил часами и очками, и клал их в чехольчики из сѣрой замши. Его никто не заставлял, он дѣлал это по собственному желанію и разумнѣю, но потому-что, боялся дѣйствительности: "как-бы чего не вышло"!.. Другие люди кладут в чехольчики другие вещи: иногда мысли, иногда цѣликомъ все міросозерцаніе, и болѣею частью опять-таки потому, что "как-бы чего не вышло". Гораздо спокойнѣе быть смиренным преподавателем греческаго языка или купить садъ с крыжовникомъ, аккуратно ѣсть, аккуратно спать, — спокойнѣе, чѣм думать о томъ, "как-бы что-нибудь вышло" на доброе дѣло другимъ и себѣ. Изъ пятидесяти тысячъ ни одного протестующаго, ни одного открыто возмущающагося ложью и лицемеріемъ! Всѣ болѣе склонны прятаться отъ дѣйствительности и возможно меньше поправлять ее, если она нехороша: лучше футлярчикъ, чѣмъ безпокойство. Не нами началось, не нами и кончится...

Вы видите, что рассказ г. Чехова о футлярных людяхъ рассчитанъ на болѣе широкій захватъ, чѣмъ это кажется по слѣбъ обычнаго поверхностнаго прочтенія. Мнѣ кажется, смыслъ его отлично передается щедринскимъ словомъ, характеризующимъ жизнь многочисленныхъ порядочныхъ русскихъ людей; это слово — "испугъ". Пуганая ворона куста боится, а напуганные люди прячутся въ кусты крыжовника или чего-нибудь другаго. Напуганные люди бѣгутъ отъ общественной жизни, поселяются где-нибудь подъ смоковницей, и ограждаютъ себя футлярчиками отъ всякой житейской непогоды. Такъ спокойнѣе такъ счастливѣе...

Есть благополучіе и счастье, равноцѣнное свинству и подлости...

Б. Сарахановъ.